

Х Р О Н И К А

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИЙ В ИНСТИТУТЕ ЭТНОГРАФИИ

19 июня 1951 г. состоялась защита кандидатской диссертации научн. сотрудн. Государственного исторического музея С. К. Жегаловой на тему: «Крестьянское жилище Нижегородской губернии в середине XIX века». Официальными оппонентами выступили: доктор историч. наук С. А. Токарев и кандидат историч. наук Г. С. Маслова. Основной задачей диссертации было проследить изменения в жилище в зависимости от экономических условий жизни крестьянства в 50—60 гг. XIX в., в период интенсивного развития капиталистических отношений и классового расслоения в деревне. Источниками для работы послужили: представляющие значительную историческую ценность рукописные материалы архива известного писателя Мельникова-Печерского, возглавившего экспедицию по сбору статистических данных по Нижегородскому краю, издания Нижегородского статистического комитета, ряд других печатных изданий, в том числе и художественная литература (произведения того же Мельникова-Печерского, богатые этнографическими данными), этнографическая литература, дающая типологию жилищ и сравнительный материал, а также полевые исследования автора и коллекции Государственного исторического музея. Основное же руководящее значение при написании работы имел труд В. И. Ленина «Развитие капитализма в России», широко использованный диссертанткой.

К числу достоинств работы оппоненты отнесли в первую очередь последовательно проводимый ее автором историзм и анализ связи развития жилища с комплексом других явлений, в особенности с хозяйственной жизнью края. Автором впервые обобщены данные о постройках одной из интереснейших в этом отношении областей Среднего Поволжья, сказала Г. С. Маслова. Дана обстоятельная характеристика архитектуры дома, его планировки, прослежен ряд процессов, происходивших в середине XIX в.: замена курной избы «белой» избой, развитие клети в горенку, наличие подсобных производственных мастерских, нередко соединявшихся с жильем, и т. д. Диссертантка прослеживает значительно большее расслоение крестьянства в промышленных районах по сравнению с земельными, что нашло отражение в постройках; она устанавливает связь в распространении «белых» изб с развитием промыслов, отмечает преобладание курных изб в сельскохозяйственных районах. Главное достоинство обсуждаемой диссертации, сказал С. А. Токарев, в том, что автор ее с особой рельефностью анализирует те стороны данной проблемы, которые обычно остаются в тени в этнографических работах: связь народного жилища и типов поселений с экономическим развитием, с социальной дифференциацией крестьянства, влияние развивающихся капиталистических отношений на изменения в формах жилищ. Но именно с этим достоинством данной работы связан, по мнению оппонента, и наиболее существенный ее недочет. Увлечение автора историко-экономическим анализом обусловило некоторую односторонность исследования. Почти совершенно вне поля внимания диссертантки осталась наиболее важная для этнографа сторона — выявление отражающихся в народном жилище историко-культурных этнических связей, национальных особенностей отдельных народов. Диссертантка не делает попытки выяснить, из каких этнических элементов — славянских и неславянских — сложилось население интересующей ее области, какие этнические традиции могли принести с собой эти различные компоненты, как они отразились в бытовых формах народных построек. Сложный этнический состав края (кроме русских — мари, мордва-эрзя, мордва-терюхане, татары) не мог не отразиться на постройках, их типе, планировке и т. д.; в диссертации же не выделены особенности жилища различных этнических групп населения. Диссертантка, отметила Г. С. Маслова, дает слишком общее определение жилища бывшей Нижегородской губернии как северновеликорусского. Между тем приведенные в диссертации данные позволяют выделить несколько комплексов: 1) комплекс южной культуры жилища (открытый двор, четырехскатная самцовая крыша, так называемый южновеликорусский план, общий с планом мордовского жилища); 2) ярко выраженный комплекс северновеликорусского жилища; 3) сильный слой (как в типе дома,

так и в планировке и других элементах), указывающий на связь с культурой Москвы. Вместе с тем в исследуемом жилище немало черт, составляющих характерные особенности построек Среднего и Верхнего Поволжья, отличающих их от построек других областей. В жилище бывшей Нижегородской губернии XIX в. еще ярко были выражены элементы, восходящие к древним местным традициям в виде жилища-полуземлянки, характерного для восточной части южновеликорусских областей и территории мордвы, отмечались традиции свайных построек, восходящие к неолитическому периоду лесной полосы Восточной Европы. С другой стороны диссертантка исследование развития жилища и поселений не ставит в связь ни с характером семьи того времени, ни с наличием общины. Между тем и общинный, и семейный быт населения несомненно отражался на постройках; середина XIX в. была тем переломным периодом, когда усилился процесс разложения большой семьи и общины.

В числе более мелких недочетов оппоненты указали на то, что диссертанткой мало внимания уделено хозяйственным постройкам; в разделе, посвященном технике строительства, несколько более разработан вопрос о типах конструкции крыши, но другие стороны освещены недостаточно; диссертанткой установлен ряд фактов о времени бытования домового резьбы, о ее мастерах, о связи ее с искусством корабельной резьбы, но недостаточно места уделено богатейшей орнаментике поволжской резьбы. Все указанные недостатки, подчеркнули оппоненты, отнюдь не обесценивают диссертацию С. К. Жегаловой и легко устранимы при дальнейшей подготовке работы к печати, чего она несомненно заслуживает.

В результате обсуждения представленной диссертации Ученый совет Института присудил С. К. Жегаловой ученую степень кандидата исторических наук.

26 июня окончившей аспирантуру Института этнографии Н. Р. Гусевой в защита кандидатская диссертация на тему «Этнический состав населения южной Индии». Как указали официальные оппоненты — доктор историч. наук А. М. Дьяков и доктор биол. наук Г. Ф. Дебец, диссертантка, опираясь на учение И. В. Сталина о нации и национальном вопросе, сумела найти правильное решение поставленных перед собой задач. В результате критической разработки, систематизации и сопоставления многочисленных, но крайне запутанных данных английской статистики и этнографии Н. Р. Гусева выделяет в южной Индии четыре основных национальных массива — телугу, тамила, малаяли и каннара, затем небольшой народ тулу, насчитывающий до 600 тыс. чел., и ряд мелких по численности племен. Упомянутые четыре основных национальных массива, указывает диссертантка, стараниями английских колонизаторов изрезать страну множеством границ, удобных для целей их административной деятельности, оказались разделенными по разным административно-территориальным единицам, в результате чего нарушены единство исторического процесса их развития, целостность их экономики, их национальное единство и — чего в основном добивались колонизаторы, — нарушена целостность развития их национально-освободительной борьбы. Тем не менее в южной Индии в настоящее время имеет место острая антифеодалная и национально-освободительная борьба, и уже одно это, указал А. М. Дьяков, определяет актуальность работы, проделанной Н. Р. Гусевой.

Оппоненты весьма положительно оценили представленную работу. Диссертантка сказала А. М. Дьяков, не ограничиваясь этнографическим описанием рассматриваемых ею народов, дает необходимые сведения и об их истории, экономике, литературе и искусстве, национально-освободительном движении; относительно последнего данные почерпнуты автором из индийской, главным образом коммунистической, печати. На примере южной Индии Н. Р. Гусева разоблачает реакционную национальную политику современного индийского правительства, являющуюся продолжением политики английского империализма. Рассматривая вопрос о кастах, диссертантка убедительно показывает, что у каждого из народов Индии кастовая система имеет свои специфические особенности, и фактически нет каст, общих для всех ее народов; даже такая якобы всеиндийская каста, как брахманы, делится на национальные группы, представляющие собой по существу отдельные касты. Установление этого факта является весьма действенным ударом по имеющей хождение в буржуазной литературе расистской теории каст; Н. Р. Гусева показала, что никакого этнического родства между представителями одинаковых профессиональных каст различных народов Индии нет. На примере южной Индии диссертантка опровергает также широко распространенное в буржуазной этнографической литературе мнение о чрезвычайной прочности кастовой системы, опровергает и протаскиваемое апологетами английского империализма представление о том, что численность каст непрерывно растет с развитием капитализма и ростом общественного разделения труда. Она показывает, что хотя имеются факты образования новых профессиональных каст (например, каста мороженщиков), все же основной тенденцией является постепенное «размывание» каст, особенно в городах. Интересны приводимые диссертанткой данные о попытках кастовой верхушки сохранить касту путем укрупнения, объединения ее с другими родственными по профессии кастами. Н. Р. Гусева показывает двойкий характер кастовых политических и культурно-просветительных организаций: с одной стороны они, будучи созданы по кастовому признаку, являются помехой для создания классовых организаций рабочих и крестьян и потому носят реакционный характер; с другой стороны, в некоторых случаях создание кастовых организаций — батраков, например, — служит первым

агом к активной защите ими своих классовых интересов. Организации же высших каст являются сугубо реакционными. Очень интересно, по мнению оппонента, показано в обсуждаемой работе переплетение довольно развитых в ряде районов Индии капиталистических отношений с сильнейшими пережитками докапиталистических формаций.

При в общем бесспорных достоинствах диссертации, сказал далее А. М. Дьяков, ней имеется ряд спорных мест и недочетов. Так, оппонент считает весьма спорным утверждение о том, что образование каст на юге Индии произошло в результате влияния брахманизированных народов севера. Это утверждение противоречит всей концепции диссертантки и в известной мере является отголоском теории, выводящей асты из религии индуизма. Кастовые системы получили особенное развитие именно на юге, на севере же не было такого резкого кастового разделения. Вызывает сомнение также мысль автора о том, что кастовое деление произошло в результате усвоения ремесла отдельными племенами и родовыми группами; это приводит к концепции племенного происхождения каст, сама же диссертантка доказывает, что только некоторые касты, главным образом не профессиональные и ремесленные, а батрацкие, оскождают к племенам. В вопросе о возникновении каст оппонент стоит на точке зрения, что касты образовались в результате сословного деления индийского феодального общества. В работе не показана связь кастового деления с разделением труда внутри сельской общины; между тем, вероятно, именно сельская община явилась местом возникновения кастового строя. В работе приводится немало данных, заставляющих думать, что иерархия земледельческих каст отражает разные формы феодального земледержания, однако соответствующих выводов из этого автор не делает. Неудачным считает оппонент выражение «поглощение касты классом»: процесс здесь гораздо сложнее, и не вся каста поглощается одним каким-либо классом, а развитие капитализма влечет за собой классовое расслоение внутри касты.

Г. Ф. Дебеч, дав высокую оценку диссертации в целом, заявил, что у него нет принципиальных возражений против основных положений диссертантки, но некоторые из этих положений, будучи в своей основе правильными, требуют большего обоснования. В выводах об этническом составе населения южной Индии Н. Р. Гусева целиком следует за лингвистической классификацией. Действительно, язык является, как известно, наиболее важным и характерным признаком нации. Коммунистическая партия Индии в последних постановлениях по национальному вопросу неизменно выдвигает требование создания национальных единиц; среди них упоминаются именно те народы, которые диссертантка считает основными в южной Индии и находящимися на пути к национальной консолидации. Однако, как ни важен критерий языка при определении нации, но он не единственный. Это особенно нужно помнить в отношении колониальных народов, борющихся за свое освобождение от империалистического ига. В процессе формирования наций в колониальных странах имеются специфические особенности, отличные от тех, которые имели место в капиталистической Европе. Одной из движущих сил национально-освободительной борьбы является борьба за свободное развитие национальной культуры. В ходе этой борьбы развивается не только классовое, но и культурное сближение отдельных народов, иногда различающихся по языку. В связи с этим в широких массах трудящихся наблюдаются тенденции к образованию общего литературного языка. Такое явление имело место, например, в Руззии, где грузинский язык стал литературным также для мегрелов и сванов, народно-разговорный язык которых сильно отличается от грузинского. Нечто подобное имеет место и в Индонезии. В Индии особенно ярко проявляется далеко идущая общность культуры разноязычных народов. Эта общность имеет глубокие исторические корни, она сложилась и укрепилась не только в борьбе против английского империализма, но еще раньше, в борьбе против завоевателей предшествующих эпох. Поэтому в вопросе о национальной консолидации народов южной Индии нельзя слепо следовать целиком за лингвистической классификацией, необходимо привлечь и другие данные.

В более подробных доказательствах, продолжал Г. Ф. Дебеч, нуждается и другой, тоже в общем верный тезис диссертантки. Она правильно указывает, что религиозные различия не имеют значения для определения этнического состава населения, что попытки выделения мусульманских групп в Индии являются одной из форм проявления антинародных тенденций как английской, так и индийской буржуазии. Однако религиозные различия, сами по себе не являющиеся признаком нации, иногда отражают глубокие различия в истории и культуре, с которыми нельзя не считаться. В своих заключительных выводах оппоненты признали, что в результате проведенной работы диссертантка написала нужный и полезный труд, издание которого внесет серьезным вкладом в индоведческую литературу. Н. Р. Гусевой присуждена звание кандидата исторических наук.

26 июня старший преподаватель Кыргызского государственного педагогического института А. Ф. Бурковский защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Техника современных домашних промыслов и ремесел в кыргызских колхозах». Работа, написанная на основе личных сборов автора в северных областях Кыргызии, с привлечением большого количества архивных и литературных данных, а также музейных коллекций, является первой попыткой дать систематическое описание кыргызских домашних производств и, по отзывам официальных оппонентов — доктора историч. наук

А. Н. Бернштама и кандидата историч. наук Е. М. Шиллинга, представляет собой солидный труд, интересный не только для специалистов, но и для более широкого круга лиц, занимающихся историей материальной культуры народов СССР. Структура работы и основное ее содержание тщательно продуманы. В основных главах даны обширные материалы, впервые вводимые в научный оборот в таком целом подборе. Перед читателем, сказал Е. М. Шиллинг, разворачивается ряд оригинальных киргизских производств в их настоящем и прошлом, описываются разнообразие технические приемы, инструменты и оборудование, производственные процессы и самые изделия; в ряде случаев даются характеристики и краткие биографии мастеров; высказываются соображения о дальнейших перспективах развития этих ремесел. Материалы некоторых разделов представляют особенный интерес, так как до сих пор были либо недостаточны, либо вовсе не отражены в существующей литературе. Данные А. Ф. Бурковского показывают, что у северных киргизов большее развитие получила техника валяния шерсти и сравнительно меньшее — техника шерстяного ткачества; этим северные киргизы сильно отличаются от соседних с ними узбеков и от народов Кавказа. Интересный материал представлен А. Ф. Бурковским в описании выделки кожаных сосудов и производства деревянного остова юрт. Своеобразный комплекс представляют тщательно собранные диссертантом во время полевой работы данные о златокузнечестве; по этому комплексу можно сделать ряд интересных историко-этнографических заключений.

В общем, заключил оппонент, А. Ф. Бурковский провел большую и успешно завершенную работу, результаты которой, представленные в обсуждаемой диссертации, было бы желательно опубликовать.

Замечания проф. Бернштама касались в основном исторической части работы. Оппонент считает нецелесообразным подробно останавливаться на данной Морганом периодизации истории первобытного общества и особенно на уже подвергнутой критике периодизации В. И. Равдоникаса. Здесь диссертант начинает слишком издалека. Позиции его гораздо более основательны и ближе к теме, когда он далее переходит к изучению высказываний В. И. Ленина и И. В. Сталина по вопросу о промыслах и ремеслах. Останавливаясь вкратце на особенностях ремесленного производства в рабовладельческий и феодальный периоды, диссертант не учитывает разницы в организации ремесла в Западной Европе и в Средней Азии. Неверно также переносить характеристику ремесла в оседлых районах и городах Средней Азии на кочевое полупатриархальное-полуфеодалное хозяйство, имевшее свои закономерности, несмотря на тесные связи кочевой и оседлой полосы, о чем правильно пишет диссертант дальше. По мнению А. Н. Бернштама, в условиях кочевого скотоводства, в условиях длительного отрыва от земледельческих оазисов во время летних перекочевок на пастбища создавались дополнительные условия для сохранения домашних ремесел, наряду с теми обществено-историческими причинами, о которых пишет автор. Е. М. Шиллинг отметил как недостаток работы чрезмерное ограничение автором своих задач: в рамках исследования нужно было бы включить в какой-то мере и рассмотрение художественной стороны производств, их истории и экономики. По мнению оппонента, автору, приводящему сравнительный материал главным образом по казахам, следовало бы больше внимания уделить сравнениям элементов культуры северных киргизов и узбеков, что дало бы ему возможность ярче оттенить специфические киргизские черты в исследуемых ремеслах. Высказав ряд замечаний более частного порядка, оба оппонента дали весьма положительную общую оценку обсуждаемой диссертации и высказали пожелание о ее опубликовании. А. Ф. Бурковскому присуждена степень кандидата исторических наук.

О. Корбё

ВЫСТАВКА КИТАЙСКОГО ЛУБКА

В Ленинграде в Музее антропологии и этнографии Академии Наук СССР в сентябре 1951 г. открылась выставка китайского лубка, подготовленная сотрудниками сектора Восточной и Южной Азии под руководством Г. Г. Стратановича.

Выставка вызвала заслуженный интерес посетителей Музея и встретила сочувственные отклики в ленинградской прессе.

Лубок издавна был в Китае одной из наиболее ярких народных форм национального изобразительного искусства. Дешевый, доходчивый, понятный по сюжету и оформлению широким слоям населения, лубок в миллионах экземпляров расходился по стране и был непременным украшением дома в дни праздников.

Выполнялся лубок обычно на рисовой бумаге в технике ксилографии (т. е. путем отриски на бумаге изображения, предварительно вырезанного на доске и смазанного красками).

Основными центрами производства лубка в Китае были Пекин и Шанхай, где наметилась известная специализация школ мастеров лубка. Пекинские мастера